

**Государь прощает одного злодея,
на жизнь его умышлявшего,
но суд Божий казнит его**

Из «Деяний» же великого государя известно, что во время второго Стрелецкого бунта, воздвигнутого тою же сестрою его чрез Шакловитого, монарх от тайно устремленного на него нападения сего злодея спасся уходом в Троицко-Сергиев монастырь; что виновные в злодейском том совещании стрельцы, поражены быв страхом, уходом его причиненным, прибегли к милосердию прогневанного ими государя в помянутый монастырь и получили от великодушия его прощение; и что его величество удовольствовался только определением предать казни одних зачинщиков сего заговора и бунта³

В числе сих зачинщиков злодейского заговора того, которые содержались уже в том же монастыре под стражей, находились три родные брата. Престарелая мать их, узнав о близкой казни всех их, решила просить государя о их помиловании. С сим намерением дождавшись выхода государева в церковь, упала к ногам его и с слезным рыданием молила о помиловании их, представляя, что она умрет без них нуждою и голодною смертью, вопия: «Кто будет меня кормить? кто старость мою призрит, надежа государь, когда я, бедная, остануся без них?» Младый монарх, выслушав терпеливо все сие и узнав, кто сии дети ея, сказал ей: «Я простить их не могу, не наруша справедливости и своей должности; они, забыв страх Божий и свое

крестное целование, восстали на меня, законного своего государя, а следовательно и на все отечество, которого спокойствие дороже мне и самой жизни моей». Он винил также и самую ее, что она конечно не пеклася о вкоренении из детства в сердца их страха Божия и, как видно, потворством своим избаловала и тем к злодействам их повод подала. С сим словом оставил ее государь.

Старуха, дождавшись выхода его величества из церкви, паки пала пред ним и, проливая слезы, вопияла: «Прости, надежа государь! прости преступных детей моих, ради Господа Бога; Пречистой Богоматери и Святых Чудотворцев Сергия и Никона, даруй им жизнь», и проч. Снисходительнейший государь, паки все выслушав, велел ей встать и говорил: «Слушай, старуха! Ежели Бог поставил меня царем и вручил мне меч правосудия для охранения спокойствия общего, то не прогневолю ли я его, спасая врагов оного? И не навлеку ли тем и на себя, подобно Саулу, гнева его и от потомства проклятия? Я сам плачу с тобой о пролитии крови злодеев, но должность превосмогает сожаление, и так должны дети твои, яко злодеи и злодеи нераскаянные, умереть, поелику были уже они участниками и первого бунта и многой неповинной крови пролития, но обстоятельствами времен спаслись от заслуженной ими казни».

Мать, бросаясь паки к ногам государевым, ухватила оные и обливая их слезами, молила о помиловании, по крайней мере, хотя одного из них, который бы закрыть мог очи ей и похоронить ее. Тронутый государь наконец жалостно сказал: «Ну! Что делать? Я даю тебе одного, выбери сама из них, кого ты более любишь», — и обратился к сопровождающим себя, сказал: «Отведите ее к ним в тюрьму, пусть она изберет одного из трех преступных детей своих, и выпустите его с нею из монастыря».

Печальная мать сия, приведенная к ним, бросилась на шею сперва к старшему, и в положении таковом пребыла около четверти часа; потом к среднему и, подобно же обняв его, рыдала, не произнося ни единого слова, а напоследок к меньшему; и таким образом долго колебалась, которого бы из них избрать. Наконец быв понуждаема решиться, избрала меньшего и тогда же была с ним выпущена из темницы.

Но сей избавленный от казни злодей, идя с матерью из монастыря, в самых святых воротах подкнувшись, упал навзничь, разбил себе темя и тот же час испустил дух.

Донесено о сем государю, и его величество, ужаснувшись суду Божию, не попустившему злодею остаться в живых, пал на колени пред образом Спасителя и умиленною душою молил да отпустить ему согрешение, нарушением правосудия, от него ему вверенного, им учиненное; и потом, вставши и обратясь

к предстоящим, сказал: «Я согрешил яко человек, простя из жалости злодея, не достойного жизни; но суд Божий решил иначе, не попустя остаться ему живу; а сие пребудет всегдашним мне наставлением не прощать злодеев, вредных обществу. Страшиться, — заключил младый государь, — преступники нераскаянные, строгости правосудия, вверенного мне!» После сего осужденные судом злодеи были казнены.